

говоры, которые длились 5 лет. Результатом стало Соглашение по вопросам правопреемства между государствами-преемниками бывшей СФРЮ.

Правопреемство появилось в Римском частном праве и существует по сей день. Можно сделать вывод, что само происхождение правопреемства включает в себя длительные процедуры и несет массу проблем. Не имеет значения, инициировано оно распадом, присоединением или иным способом. Для каждого варианта свои проблемы и решения, где-то их больше, где-то меньше. Например, они касаются международно-правовых аспектов правопреемства, также не остаются без внимания проблемы национальных меньшинств или же не признанности новообразовавшихся государств. Множество споров возникает при разделении собственности или иных объектов правопреемства, как уже было упомянуто выше, некоторые споры решаются путем подписания Соглашений или же через урегулирование компетентных органов, что упрощает ситуацию.

Литература

1. О'Конеелл, Д. П. Правопреемство государств / Д. П. О'Конеелл / пер. с англ. О. В. Богданова ; под ред. Ю. Г. Барсегова, Ю. Э. Милитаревой. – М. : Изд-во иностр. лит., 1957. – 589с.

2. Венская конвенция о правопреемстве государств в отношении договоров : принята 23 августа 1978 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/states_succession.shtml. – Дата доступа: 04.04.2020.

3. Комиссия международного права Генеральной Ассамблеи. Первый доклад о правопреемстве государств в отношении ответственности государств : принята 4 августа 2017 г., Женева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/CN.4/708>. – Дата доступа: 06. 04.2020.

4. Коданева, С. И. Момент правопреемства государств / С. И. Коданева // Реферативный журнал. – 2007. – № 3 (51). – С. 148–152.

Право на уважение частной и семейной жизни в эпоху информационных технологий: практика Европейского Суда по правам человека

*Кочумова Ш. А., студ. IV к. БГУ,
науч. рук. Кузнецова Е. В., ст. преп.*

Интернет проник в широкие массы уже более четверти века назад, благодаря чему субъекты права устанавливают и развивают свои отношения при помощи всемирной паутины. Более того, за эти годы возник определенный

спектр отношений, которые могут существовать только в сети. При этом очевидно, что развитие информационных технологий подвергают конфиденциальность, информационную безопасность лиц все большей опасности, а также приводят к возникновению все больших возможностей для произвольного вмешательства в личное пространство людей.

Право на уважение частной и семейной жизни, жилища и корреспонденции закреплено статьей 8 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Конвенция), которая выступает в качестве меры защиты от такого вмешательства, и включает в себя, в том числе вопросы сбора, обработки, хранения и распространения персональных данных лиц. Основной принцип, изложенный в статье 8, связанный с защитой персональных данных лиц, заключается в том, что по общему правилу они не должны подвергаться автоматизированной обработке без согласия соответствующих лиц [1, с. 7].

Анализируя практику Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ, Суд) можно сказать, о том, какая именно информация, по его мнению, образует понятие персональные данные. К ним относятся:

- Отпечатки пальцев и образцы клеток ДНК. Судом определено, что хранение образцов клеток ДНК не является необходимым, поскольку для идентификации лица достаточно отпечатков пальцев [1, с. 11]. Однако, если отпечатки пальцев принадлежат лицу, некогда подозревавшемуся в совершении преступления, но в надлежащем порядке оправданному, то хранение такой информации образует нарушение статьи 8 [2].

- Любая личная информация, охраняемая законом, а также любая иная информация подобного характера, вплоть до той, которая касается политических убеждений лиц (Кат против Великобритании) [3, с. 38].

- Имя граждан – в части защиты от опубликования его полностью, а в некоторых случаях даже только собственно имени лица, без указания фамилии, если этого достаточно для идентификации [4, с. 165].

В последние годы споры в доктрине порождают право быть забытым. Европейский суд справедливости – судебный орган Европейского Союза, вынес прецедент, ознаменовавший возникновение права на забвение, в котором было установлено, что информация являющаяся *более недостаточной, не относящейся к делу, избыточной, а также не представляющая собой общественного интереса*, должна быть удалена по требованию заинтересованных лиц. В решении Суда подчеркивается, что право на исключение информации затрагивает только результаты поиска и не предусматривает изъятие ссылки из индексов поисковой системы [49, с. 171]. Данный опыт воспринял и ЕСПЧ в деле Пиль против Швеции, которое касалась требования удалить ложную информацию о заявителе. ЕСПЧ пояснил, что если распространен-

ная информация, являлась несоответствующей действительности с самого начала ее распространения, то в таком случае можно требовать удаления любых следов такой информации (п. 33) [5].

Считаем необходимым обратить особое внимание на массовое и негласное наблюдение. Одной из первых и наиболее известных была жалоба Романа Захарова против России, который ссылаясь на систему тайного прослушивания мобильной телефонной связи и на отсутствие эффективных процессуальных гарантий защиты. Суд установил определенные минимальные требования такой защиты, а также то, что должно учитываться: характер правонарушений, которые могут стать основанием для прослушивания; категории лиц, телефоны которых подлежат прослушиванию; порядок изучения, использования и хранения полученных данных; меры предосторожности при передаче данных другим лицам; обстоятельства, при которых записи могут или должны быть стерты или уничтожены (п. 231). По итогу Суд пришел к выводу, что российское законодательство не содержало адекватных и эффективных гарантий против произвола и риска злоупотреблений, которые присущи любой системе тайного наблюдения, что особенно важно в России, где спецслужбы и полиция имеют прямой доступ к техническим средствам ко всей мобильной телефонной связи (п. 302) [49, с. 168]. Другое значительное дело, в котором перед Судом встал вопрос о правомерности осуществления наблюдений за гражданами посредством перехвата их личной переписки, было инициировано тремя жалобами против разведывательных служб Великобритании, и носит название Big brother watch против Соединенного Королевства. Такие наблюдения осуществлялись: 1) посредством массового перехвата личных сообщений; 2) сбора данных; 3) обмена данных между такими службами разных государств. В отношении первых двух способов Суд признал, что государство нарушило свои обязательства по статье 8, в то время, как отверг доводы о нарушении статьи 8 третьим способом [6, с. 590]. Поскольку, по замечанию Суда, такие обмены производятся в целях предотвращения террористических актов, «и с учетом уровня, которого достиг глобальный терроризм и, в частности, сложности глобальных террористических сетей», Суд признает, что для предотвращения совершения насильственных действий, угрожающих жизни людей, требуется информация (п. 446) [7]. И хотя данное дело оказало значительный эффект, но, по замечанию исследователей, оно не привело к радикальным реформам [6, с. 589], которые бы хоть немного повернули ход правового регулирования в нужное русло. Нам кажется необоснованной позиция Суда в решении Big brother watch, в соответствии с которой сбор личной переписки нарушает тайну корреспонденции, в то время как ее обмен службами государств

оправдан законными целями. С учетом того, что Суд ссылается на глобальные террористические сети, очевидно, имеет в виду, что часто террористы – люди, въехавшие в государство с территории другого государства, и подразумевает необходимость государств быть осведомленными о лицах, которые потенциально могут представлять опасность. Однако в условиях нынешнего миграционного кризиса от такой политики могут пострадать все мигранты, как наиболее уязвимая группа. Несмотря на то, что в официальных документах, таких как резолюция Генеральной Ассамблеи «О праве на неприкосновенность частной жизни в эпоху цифровых технологий», а также в докладе спецдокладчика о праве на неприкосновенность частной жизни, отмечается, что на права человека, в особенности на право на уважение частной и семейной жизни должна распространяться равная защита и охрана государств-участников, как и в реальной жизни (offline), так и в онлайн пространстве, но ответ на вопрос о том, как именно этого достичь, не дают ни международно-правовые нормы «твердого» или «мягкого» характера, ни Суд в своих выводах.

Литература

1. Internet: Case-law of the European court of human rights / European court of human rights // Council of Europe [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.echr.coe.int/Documents/Research_report_internet_ENG.pdf. – Date of access: 20.04.2020.

2. S. and Marper v. United Kingdom: Judgement of 4th of December of 2008 // European court of human rights [Electronic resource]. – Mode of access: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{"itemid":\["001-90051"\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{). – Date of access: 20.04.2020.

3. Guide on Article 8 of the European Convention on Human Rights: Right to respect for private and family life, home and correspondence // European court of human rights [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.echr.coe.int/Documents/Guide_Art_8_ENG.pdf. – Date of access: 20.04.2020.

4. Антопольский, А. А. Права человека и интернет в практике Европейского суда по правам человека / А. А. Антопольский // Труды института государства и права Российской академии наук [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/prava-cheloveka-i-internet-praktika-evropeyskogo-suda-po-pravam-cheloveka>. – Дата доступа: 20.04.2020.

5. Pihl v. Sweden: Judgement of 9th of March of 2017 // European court of human rights [Electronic resource]. – Mode of access: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{"itemid":\["001-172145"\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{). – Date of access: 20.04.2020.

6. Hughes, K. Mass Surveillance and the European Court of human rights / K. Hughes // European human rights law review. – 2018. – № 6. – P. 589–599.

7. Big Brother Watch v. United Kingdom: Judgement of 13th of September of 2018 // European court of human rights [Electronic resource]. – Mode of access: https://hudoc.echr.coe.int/eng#_Toc524359843. – Date of access: 20.04.2020.